

«Лучшая сатира на It Girl! Если вы создаете контент, следите за миром красоты и интересуетесь уходом за кожей, вы обязаны это прочесть. Да, и будьте готовы покрыться мурашками». — *New York Post*

СОК ЮНОСТИ

е.к. сатью

Перевод Анны Логиновой

18+

Анатомия нормы

Е. К. Сатью

Сок юности

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

Сатья Е.

Сок юности / Е. Сатья — «Эксмо», 2024 — (Анатомия нормы)

ISBN 978-5-04-253938-1

“Субстанция” встречается с «Дьявол носит Prada» в эпатажном бодихорроре «Сок юности». С первого дня работы в «Гебе», компании, которая выпускает средства для ухода за кожей и оздоровления, София Баннион понимает, что дело ту нечисто. Но у нее в шкафу полно собственных скелетов, помимо дизайнерских подделок. София хочет придать смысл своему скучному существованию, а заодно избавиться от ужасной привычки грызть ногти. Ей все больше нравится образ жизни, который транслирует «Геба», а также успокаивающий увлажняющий крем «Сок юности», который предложила ей протестировать генеральный директор Три Уайтстоун. Правда, когда София узнает о том, какой секретный ингредиент лежит в основе «Сока юности», ей предстоит решить, какую цену она готова заплатить за красоту.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-253938-1

© Сатья Е., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Май	9
1	9
2	16
3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Е.К. Сатью

Сок юности

Бенджамину, маме и Стиву

*Секрет вечной юности в том, чтобы никогда не испытывать
некрасивых эмоций¹.*

Оскар Уайльд,
«Портрет Дориана Грея»

Серия «Анатомия нормы»

Youthjuice by E.K. Sathue

This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency.

Перевела с английского *Анна Логинова*

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события либо являются плодом авторского воображения, либо используются вымышленно, и любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми, деловыми учреждениями, событиями или местами случайно.

© Анна Логинова, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Soda Press Copyright: YOUTH JUICE by E.K. Sathue Copyright

© 2024 by Erin Mayer Front cover design: Emily Mahon

Cover image: © LightFieldStudios/iStock

¹ Перевод Владимира Баканова.

Author image: © Keenan Boscoe

Геба

HEBE.

Геба – греческая богиня юности, дочь Зевса и Геры.

Здесь, в компании, которая носит ее имя, мы верим, что красота принадлежит вам по праву. Вы рождены совершенными, но жизнь смыла краски с вашего лица. Мы вернем то, что всегда было вашим. Везде – от зала заседаний до туалета бара – наши продукты запускают вашу жизненную силу, внутреннее сияние. Ведь мир принадлежит тем, кто купается в роскоши.

В 2013 году Три Уайтстоун завела блог «Роса» в убеждении, что стоит украдкой заглянуть в ванную человека – и можно увидеть его душу. Эта философия легла в основу линейки премиальных (и доступных) средств для ухода за собой и макияжа. Вы – то, что вы наносите на лицо. Наши продукты производятся исключительно из натуральных ингредиентов. Без токсинов, парабенов и отдушек. Только лучшие компоненты. Потому что мы считаем: вы должны прекрасно выглядеть – всегда. Помните: красота возможна.

Май

1

Мы купались в их крови, чтобы остаться молодыми. Блестящая маслянистая жидкость сохраняла в нас блеск первозданной красоты. Их кровь – источник юности, журчащий в наших венах. Тромбоциты – вот секрет сияния кожи. Ключ к прекрасному цвету лица. Кровь, подкрепленная медленно текущими каплями яичного желтка, – противоположность технологиям. Она пачкается, стерильность ей чужда.

Уход за кожей – искусство, которому можно научиться. Три прославилась тем, что пользовалась солнцезащитными средствами с пяти лет: сперва ее мазала мать, а в возрасте двенадцати лет она подхватила знамя ухода за собой. Она была мастером, а я – ее ученицей. Мир бросает нам в лицо одно оскорбление за другим. Ванны крови – все, что нам оставалось делать, чтобы выжить.

Электронное письмо. Призрачно маячит в пустом ящике «Входящие». Его прислала Мэриголд Вриланд, личная помощница основательницы и генеральной директорки. Тема письма гласит: «Три встретится с вами». В теле письма – ничего.

Кабинет Три Уайтстоун находится в конце длинного коридора. Я разглаживаю складочки на юбке, надетой для первого рабочего дня. Японский дизайнер, сложная плиссировка. Взяла поносить у Дом. Прячу в карманы руки в перчатках, расправляю плечи и иду к двери матового стекла. За овально-изогнутым обсидиановым столом – Мэриголд: прямой пробор, стрижка боб, волосы ходят туда-сюда по сторонам веснушчатого лица, точно щетки на автомойке. Блеклые губы складываются в безрадостную улыбку. Не обнажающую зубов.

– Здравствуйте! Я...

– Новый креативный, – заканчивает она за меня. – Рады вас видеть. Я – личная помощница Три. Мы вместе будем составлять график встреч генеральной.

Мэриголд протягивает ладонь. Я жму ее правой рукой, упакованной в тонкую кружевную, слегка потрепанную у швов перчатку. Она трясет ее с силой гребного винта.

– Можете войти.

В центре кабинета стоит люцитовый стол – той же формы, что у Мэриголд, только прозрачный. Сквозь столешницу видны брюки-сигареты Три, сужающиеся к щиколоткам, впечатляющий изгиб ее колен и сложенные, изящно отставленные, как у отдыхающей балерины, икры. Глаза ее закрыты, стена за спиной увешана плакатами старых рекламных кампаний. Из высоких окон льется свет. Тихо звякает колокольчик.

Делаю неуверенный шаг и откашливаюсь. Веки Три движутся вверх, будто светонепроницаемые шторы с дистанционным управлением. Она смотрит, смотрит и – улыбается. И говорит:

– Соф, – так, словно десятки лет ждала, чтобы назвать меня по имени. – Садись. Пожалуйста.

Три жестом указывает на обитый розовым бархатом диванчик и идет к автомату для напитков, стоящему на плетеном столике в углу. Я присаживаюсь и оглядываю кабинет: позади стола коллаж из фотографий – женщины в каплях росы, псевдобогемные акценты, образцы продукции в бесформенных, ненадписанных упаковках на подносе тикового дерева с позолотой. Должно быть, я вижу их одной из первых в мире.

Позади стола стоит библиотечный шкафчик на колесиках, заставленный книгами с потертыми корешками. Некоторые совсем старые, переплет сползает ошметками. Названий мне отсюда не видно.

Тут обзор перегораживает узкий торс Три: она вручает мне стакан воды с лимоном и откидывается на подушку напротив.

– Соф, – снова говорит она. Раньше никому и в голову не приходило сокращать имя София. – Добро пожаловать.

Я пристраиваю стакан на колене. Из-за перчаток трудноато удерживать его в руках, я то и дело едва что-нибудь не роняю. «Руки-крюки» – зовет меня мой бойфренд Ричард. В левом кармане ноготь указательного пальца прокалывает кожу на костяшке большого. Борюсь с искушением впиться в ранку зубами. Потираю неровные края сквозь кружево перчатки.

– Я так рада быть с вами, – говорю я. – Это работа моей мечты.

– Ты уже важный член команды, – отвечает Три. – Тебе дали компьютер? И нашу продукцию? Все, что нужно?

– Да, спасибо.

Три отмахивается:

– Не стоит благодарности. У меня увлажняющий крем уже из ушей лезет. И не только. – Она подмигивает.

Я краснею и выдавливаю из себя ответный смешок. Она и впрямь выглядит невероятно увлажненной. Лоб сверкает, как фонарь прожектора. Плечи, открытые топом без рукавов, поблескивают. От нее, точно по пшику диспенсера, ощутимо исходит увлажняющий мист. Три от души смеется грудным смехом. Смеется и смеется. Хлопает себя по колену.

А я сижу с застывшей улыбкой, вцепившись в стакан, щеки горят от боли.

Она качает головой: прядь расчесанных на прямой пробор волос цвета белый блонд касается плеч.

– Расслабься. Красота – это весело. У нас в «Гебе» это один из основополагающих принципов.

Геба. Греческая богиня юности. Подносящая амброзию богам и богиням Олимпа.

Я смеюсь, расслабляясь, и глубже погружаюсь в объятия дивана. Вдруг наваливается усталость – не уснуть бы. Прикладываю стакан с водой к внутренней стороне запястья в надежде взбодриться, но вода тепловатая.

– Давай-ка на секунду о делах. Твой первый крупный проект будет в следующую среду. Джем расскажет подробности – в общем, это съемка для запуска новой коллекции. И, пожалуйста, приходи сегодня вечером выпить с нами! Я угощаю.

Джем – это Джемма. Главный сторителлер «Гебы» и моя начальница. «Она терпеть не может слово “босс”, – сказала Три в финале собеседования. – Я тоже. Это так по-мужски. Зови меня Путеводной Звездой». Последнюю фразу она выудила из воздуха согнутым в крючок пальцем.

– С радостью, но...

Она перебивает меня:

– Так, пора на следующую встречу. Не спеши, обживайся. Скоро начнется настоящая работа!

Я усердно киваю. Воображаю, как голова скатывается с шеи. Вижу, как она плюхается на кремовый ковер, разбрызгивая не подходящий для цветовой гаммы оттенок розового. Раздается легкий стук в дверь, и мы, обернувшись, видим прижатое к стеклу призрачно-белое лицо Мэриголд – она меня вызывает.

Лишь вернувшись к своему столу, я замечаю, что все еще сжимаю стакан с водой – так крепко, что удивительно, как он не разбился.

* * *

«Выпить» означало бар отеля за углом от офиса. Я проходила по этой улице бесчисленное количество раз и ни разу не замечала вход: обрамленная плющом дверь, какие обычно ведут в какой-нибудь цех. Мы с Три и Джем ныряем в арку из зелени. Сохо отступает, листовые стены сужаются, шелестят и движутся, пока не выплевывают нас в темную комнату. Запах новой кожи, цветов и пряностей. Santal 33 от Le Labo. Я тоже его ношу. Мы все его носим: Три, и Джемма, и холеные узкоплечие женщины, снующие у залитого свечами бара, – карандашные наброски, оживающие по мере того, как я привыкаю к темноте.

Тоненькая хостес в черном платье выпрямляется при нашем приближении.

– Мисс Уайтстоун! Как вы сегодня вечером? Можем ли мы усадить вас за обычный столик?

– Если он свободен, – говорит Три. Великодушно – но вместе с тем будто бы способная по-змеиному выдвинуть челюсть и целиком втянуть в пасть голову метрдотеля, окажись столик занят.

Обычный столик Три стоит в дальнем углу малого, более тихого зала. Он, кажется, недостаточно большой, чтобы вместить нас троих, но нам удается подобрать конечности. Неудобно. Если я чуть сдвинусь в любую сторону, то задену коленом или одну, или другую спутницу. Стараюсь оставаться совершенно неподвижной – ноги вперед, спина прямая, почти не дышу. Уже сводит тело – подергивается мышца около копчика.

– Ты бывала здесь раньше? – спрашивает Три. – Это мое любимое место рядом с офисом.

Я качаю головой:

– Первый раз.

Официант приносит три меню. Напитки названы в честь асан йоги. «Собака мордой вниз». «Доблестный воин». При ближайшем рассмотрении понимаю, что в них нет алкоголя. Я не пила со старших классов, и это такое облегчение – не сидеть со стаканом воды в баре, – что я заказываю наугад. «Намаете». Мгновение спустя официант возвращается с нашими напитками и миской миндаля, присыпанного розмарином. В моем бокале безмятежно покачивается на облаке пены веточка лаванды.

Три встряхивает свой напиток. Она поднимает бокал. Мы с Джеммой поднимаем свои в ответ.

– Красота возможна, – говорит Три.

Мы чокаемся, глотаем. «Намаете» слегка шероховат на вкус, он с трудом проскальзывает в горло. В свете свечей губы Три блестят мокрой лакированной кожей. Второй глоток «Намаете» уже не так шокирует. Я начинаю получать удовольствие.

– Итак, – говорит Три.

– Что привело тебя к нам? – спрашивает Джемма.

Разговор неожиданно скатывается в еще одно собеседование. Может, я и вправду задремала, и все это мне приснилось: подписание офера, безмятежный розовый офис, стикер, гласящий, что этот квадрат дымчатого мрамора отныне мой рабочий стол, увесистый пакет с косметикой в набитой до отказа сумке.

– Ну, как вы знаете, я училась фешен-мерчандайзингу в...

Три смотрит на Джемму, затем снова на меня:

– Нет, скажи правду.

Мои коллеги выделяются во влажной духоте зала. Волосы, кожа, щеки и зубы. Момент, когда я поняла, что хочу работать на этих женщин, случился на углу Принс и Кросби. Я ждала, когда можно будет перейти дорогу и встретиться с Ричардом в уличном кафе напротив. Я заметила его за нашим любимым столиком: в синей рубашке, читающего книгу с завернутой

обложкой, – и улыбнулась при виде его естественного состояния – каким он бывает, когда думает, что его никто не видит. Было тепло, но еще не жарко, и Сохо бурлил пятничной после-полуденной суетой. Мое беспокойное счастье – иначе я его и не чувствовала никогда. Я проверила телефон – в это время мимо проезжало шикарное авто с тонированными стеклами, – воображая, что внутри кто-то знаменитый – может, Брэд Питт, может, Марго Робби, может, Виола Дэвис. Больше никто из знаменитостей в голову не приходил.

Затем – яркое пятно на горизонте. Билборд. Изображение: безмятежный голубой басейн, наполняющий буквы логотипа Г Е Б А на белом фоне. Ниже: «Скоро». Спокойное, пустое пространство, парящее над городской суетой, завораживало.

– Брендинг компании запал мне в душу, – говорю я Три и Джемме. – Это как визуальная медитация. Это ведь то, что нам нужно, верно? Чтобы нас успокаивали. Отыскать момент покоя среди всего этого... – Я машу рукой в сторону телефона, который лежит экраном вверх на столе. – Шума. Я хочу дать это людям.

– Эстетика очень важна. Потому-то я и основала косметическую компанию. Когда ты прекрасна снаружи, ты прекрасна и внутри. Понимаешь?

Три, должно быть, лучше всех, потому что при взгляде на нее захватывает дух. Ее белые волосы, графичная подводка, керамическая кожа, платье с открытой спиной. А днем она в нем была? Не помню. Она допивает свой мультяшный напиток, достает из недр сумки Stand компактную пудреницу и тюбик и наносит на губы каплеу балзама «Геба».

Я изучаю ее манеры, пытаюсь запомнить изящество, с которым она обращается с тюбиком, бросает его в сумку и защелкивает застежку, после чего зовет: «Официант!» – и машет рукой:

– Еще по одной, пожалуйста.

Появляются три свежих напитка. Но я еще не допила первый. Пена разводами по стенкам.

– Допивай, Соф! – говорит Джемма. Мои щеки теплеют.

София – недавняя выпускница с подержанной сумочкой Louis Vuitton Neverfull в шкафу, явно одевающаяся на распродажах и с сухой кожей на костяшках пальцев. Соф – безупречный профессионал. Ее одежда, волосы и зубы источают деньги.

Еще один «Намаете» мне не повредит. Ничто в этом напитке не сделает меня язвительной и злобной. Только калории, о которых остальные, кажется, не парятся вовсе. Я делаю самый большой глоток, на который способна, с трудом глотаю и запиваю водой. Мои носовые пазухи заполняет лаванда. Моргаю, и слеза скатывается по щеке.

Три хватается меня за запястье одной рукой. Другой берет за подбородок. И поворачивает мое лицо прямо к себе.

– Ну милая, – говорит она. – Не плачь.

Она отпускает меня, прижимает указательный палец к единственной слезинке, впитывая жидкость в кожу, и подносит палец к губам. Ее розовый кроличий язычок высовывается и слизывает влагу.

– М-м-м, соленая! – хихикает она.

Мне бы насторожиться. Моя новая начальница только что коснулась моего лица. Только что слизала мои слезы со своей ладони. Но моя новая начальница – Три Уайтстоун. И она улыбается как сумасшедшая, словно ждала меня всю жизнь. Забавно, но мне кажется, что так и есть. Мне кажется, во мне может быть то, что ей нужно.

Словно услышав мои мысли, она говорит:

– Мы так рады, что ты с нами.

* * *

Замок на входной двери открыт, язычок покоится на косяке. Который час? Несколько минут назад Три посадила меня в Uber XL. Водитель предложил мини-«фиджи», органическое мятное драже для свежести дыхания, которое я радостно рассасывала, пока мы петляли по нижнему Манхэттену. Я не пьяна, но окутана воспоминаниями об опьянении. Я расслаблена и переливаюсь через край.

Я толкаю дверь. Она врзается в стену.

– Черт! Доминика! – Кручу ручку замка. Язычок встает на место, и дверь закрывается. Я запираю ее за собой. На полу моей спальни, расслабленно расставив ноги, темные волосы стянуты в пучок резинкой, сидит и красится Дом, моя соседка и лучшая подруга. Она сняла со стены зеркало в полный рост и приставила его к кровати – любит показать, кто тут хозяйка. Бесит.

– Полное имя. Я попала. – Дом не отрывает взгляда от своего отражения.

– Что ты здесь делаешь? – Мои подводки разбросаны по ковру. На ней черные кружевные стринги и полосатый топ-бандо, как будто она одевалась и на что-то отвлеклась.

– Роюсь в твоей косметике.

Я бросаю сумку на пол, сажусь рядом с Дом и стягиваю перчатки.

– Как будто у тебя своей мало!

Блог Дом @MAKEUPSEX – о сексе и макияже – достаточно популярен, так что подводок у нее завались, да и всего остального тоже. Она начала публиковать свои записи онлайн во время единственного семестра в Школе визуальных искусств. Все великие художники вели дневники, но ее дневнику нужно было чем-то зацепить, вот она и решила рассказывать историю своей жизни через макияж, который сопровождал вечеринкам, свиданиям с почти-знаменитостями любого гендера и употреблению всяческих веществ. Когда в сети завирусился ее пост о лучших жидких помадах для минета, она бросила учебу, чтобы полностью посвятить себя проекту.

Теперь она получает скромный доход от рекламы и спонсорства и зарабатывала бы больше, если бы удосуживалась регулярно постить обновления. Ее образ жизни – дорогие таблетки, одежда Prada и Margiela и ежевечерние ужины в мишленовских ресторанах – финансируется внушительным трастовым фондом. Наше жилище в Лоуэр-Ист-Сайде досталось ей в наследство, когда умерла ее бабушка по матери.

Мы с Дом встречаемся взглядами в зеркале. Она ползет ко мне на четвереньках. Закрывает глаза и велит угадать. Одна стрелка четкая, с высохшим глянцевым финишем. Другая – размазанная, как след от Пепельной среды².

Я указываю на один глаз, потом на другой:

– Stila Stay All Day, Urban Decay 24/7 Glide-On.

– ДА! – Дом опускается на пятки, вскидывая руки. Падает на четвереньки, выпрямив локти, и целует меня в лоб.

Я разглядываю ее вблизи. Слезающиеся глаза и постоянное легкое шмыганье носом: примерно на четыре с половиной, может, пять из десяти. Дом никогда не бывает полностью чистой. Она не может справиться с «неприкрытой реальностью», как она это называет. Ей нужна постоянная дымовая завеса между ней самой и тем, что она называет «всем этим дерьмом». То есть жизнью.

Сегодня вечером дела не так уж плохи: она держится прямо. И подводка у нее идеальная.

² Пепельная среда – первый день Великого поста в Католической церкви. Название связано с особым обрядом: во время мессы священник посыпает головы верующих освященным пеплом либо чертит пеплом знак креста на лбу.

- Где ты была? – Дом с подозрением кривит губы, точно лимон кусает.
- На работе. Помнишь? Первый день.
- Работа! Да! С Три Уайтстоун. Как все прошло? – Когда Дом полностью в сознании, она засыпает меня вопросами.
- Эм... нормально? Мне особо ничего и не поручали. Но через несколько дней у нас большая съемка. Тогда я узнаю больше. И мы пошли выпить после работы.
- Дом вскидывает бровь:
- Выпить?
- Безалкогольный коктейль. Три сказала, что почти все в «Гебе» трезвенницы. И веганки.
- Судя по всему, ужа-а-асно весело. – Она переворачивается на спину, головой ко мне на колени. – Я тоже работаю. Я собираюсь танцевать до рассвета, целоваться с кем-нибудь потным, спать на не-шелковых наволочках и наблюдать, как мои стрелки переживут утро. Пошли со мной?
- Прости, детка, мне рано вставать. Работа, помнишь? Плебейская жизнь – она такая.
- Я стряхиваю Дом и забираюсь в кровать. Лавандовые «Намаете» пульсируют в моем организме, убаюкивая меня, словно младенца. С легким уколом вины я думаю о ежевечернем ритуале ухода за кожей, но подушка зовет, и я падаю спать.
- Честно зарабатывать на жизнь, уважаю. – Дом встает, подцепляет пальцами ног свою мятую юбку с пола, где я ее оставила, затем поднимает и натягивает на шикарные бедра и застегивает молнию.
- Спасибо, что дала сегодня поносить, – бормочу я, засыпая.
- Все для тебя, детка. – Она посылает мне воздушный поцелуй и уходит.

2008

После школы с Моной. Колено упирается в раковину, пока она красит глаза в ванной, подушечка стопы другой ноги вдавлена в линолеум, юбка задрана до верха бедер. Ей хотелось выглядеть сексапильной ради парней, которые проходили мимо, пока мы сидели на скамейках на городской площади – достаточно далеко от школы, чтобы оказаться вне юрисдикции учителей, и на полпути между нашими домами.

Эти парни носили отцовские кожаные куртки и парфюм старших братьев: дешевый мускусный запах не мог скрыть застарелый запах сигарет и вонючей травки, самые опасные сосали жевательный табак, перекачивая зубами жвачку. Парни, на которых мы втайне западали. Те, кому мы позволяли трогать себя на вечеринках. Мы чувствовали, что в силах изменить этих парней, сделать из них мужчин. Мона – с дерзкими кошачьими глазами и выпяченными сиськами, а я – в высоко подвязанной белой футболке и летящей школьной юбке.

Она протягивала мне кисточку подводки:

– Дай я тебе глаза накрашу?

Я никогда не позволяла. Меня пугала сила черного. Резкие линии, которые Мона наносила ватной палочкой с точностью скульптора, прочерчивали ее бледную кожу, отчего она выглядела старше и хуже – точь-в-точь как официантка с кашлем курильщицы в круглосуточной закусочной, где мы давились черным кофе, чтобы чувствовать себя круче и взрослее. Требовались усилия, чтобы смыть это в те ночи, когда Мона не падала в кровать прямо с макияжем, просыпаясь утром с енотовыми разводами под глазами, – подводка цеплялась за кожу и становилась частью ее лица, как нос или веснушки.

Я уже видела, как это состарит ее. Привычки будут милыми и сексуальными, пока однажды не перестанут. Хотя Мона была красивее и свободнее духом – как нас учили, именно этого хотят мужчины и парни, – я чувствовала свое превосходство. Когда я закрывала глаза, то видела женщину на много десятилетий старше – с моим лицом. Кожа слегка дряблая, но

еще гладкая. Ухоженная. В этих видениях я никогда не улыбалась, но намек на ухмылку присутствовал всегда.

Я не пользовалась косметикой – разве что помадой бабушки Люси, ну один раз стащила в аптеке блеск для губ с запахом пирога. Но вот наступило время школьного бала, и Мона заявила, что на фотографиях я буду совсем голой, и помогла мне нанести слой тональника, крылья смоки айз и блеск для тела на щеки и плечи. Она была права: мне понравилась девушка, что смотрела на меня из зеркала в спальне, а позже, когда выложили фотографии, я выглядела совсем взрослой под руку со своим кавалером в потертой кожаной куртке поверх белой рубашки с галстуком. Женственная и милая. Податливая, как кукла.

Но пока что Мона в ванной. Мона, сияющая среди въевшейся грязи. Ее девичьи движения: взмах запястья, поворот подбородка – врожденная, не выработанная уверенность в себе. Она остается там, застывшая в янтаре моей памяти. Невинная мушка трепещет крылышками. Я часто ее навещаю – всякий раз, когда закрываю глаза.

2

Воркование голубей выдергивает меня из принцессиного сна. Я опускаю ступни на пол, растягиваю мышцы шеи, глядя на календарь на стене напротив кровати. Если пролистать на два месяца вперед до июля, мой тридцатый день рождения будет обведен красной ручкой. Тридцать лет тридцать первого.

Выполняю несколько асан на коврике для йоги, валяющемся на полу. Однажды я вычитала в журнале, что для поощрения утренних тренировок нужно держать все необходимое наготове сразу, как проснешься. Позвоночник податливо изгибается в «кошку» и «корову», сворачивается в «собаку мордой вниз». В «позе ребенка» поворачиваю голову набок и изучаю свое лицо в зеркале. Никаких высыпаний. Пухлые веки. Гладкий лоб, скулы. Но в глубине уже таится проблеск распада. Зеркала – порталы в будущее: мое морщинистое лицо накладывается на молодое.

Я утыкаюсь лбом в коврик и дышу.

Ритуал таков: холодный душ, с криком встать под ледяные струи, отсчитать до десяти, потом медленно добавить теплую воду, пока температура не станет терпимой.

Я борюсь с фолликулярным кератозом на руках и бедрах твердым скрабом с лимоном и порошком грецкого ореха, дважды набираю из диспенсера очищающее масло «Геба» для тела с нероли. Дурманивший цветочный пар заполняет узкую кабинку душевой. Затем мою волосы отшелушивающим шампунем с углем, после чего наношу на волосы глубоко увлажняющую маску и держу, пока брею подмышки, ноги и линию бикини с мужским кремом для бритья из аптеки и бритвой пастельных тонов от компании, которая присылает сменные головки по почте каждые три месяца. Потом я стою под душем еще минуту, на секунду сильнее врываю горячую воду, обжигая изгрызенные кутикулы.

Вытираюсь полотенцем и распыляю масло на влажную кожу, расчесываю спутанные волосы. Как бы я хотела позволить себе шелковую наволочку, как у Дом, чтобы просыпаться чистенькой и не помятой. Иногда она одалживает мне одну из своих, которой не пользуется. Сбрызгиваю волосы от середины длины до кончиков текстурирующим спреем, заворачиваю во второе полотенце, предназначенное исключительно для этого (и уже приобретшее нездоровый желтоватый оттенок). К этому времени масло для тела впиталось, и я наношу на руки и ноги увлажняющий крем с коллоидной овсянкой и надеваю халат. Душ раскрывает поры, делая меня в целом податливой и свободной в движениях. Я могу оценить свое расплывчатое отражение в дымке только что протертого зеркала.

Этим утром на краю раковины выстроились пузатые баночки уходовой линейки «Геба».

Я пропускаю очищающее средство – чрезмерное обезжиривание усиливает выработку кожного сала и, следовательно, провоцирует высыпания – и прямо на чистую кожу наношу в три нажатия тонирующий мист с розовой водой. Сыворотка (смесь витамина С и феруловой кислоты, затем гиалуроновая кислота) идет следующей. Машу на себя руками, чтобы лицо быстрее высохло, затем распределяю каплю крема для глаз между безымянными пальцами и притопывающими движениями наношу полукругом вдоль глазничной кости, пока не исчезнет белый налет. Все запечатывается щедрой порцией солнцезащитного крема, отчего лицо на ощупь становится как лента для мух.

Когда я одна, вот как этим утром – Ричард у себя в квартире, Дом, разумеется, вырубилась где-то еще, если у нее вообще получилось поспать, – я готовлю кофе в пуровере. Заливаю в конус кипящую воду, наблюдаю, как ее уровень опускается, – это сродни медитации.

Пока заваривается кофе, я кусаю ногти на свободной руке и листаю ночные сообщения Дом:

Я сердечко

*Шестнадцатое и
Помнишь, когда????
Блестящая пачкаа
Или погоди ПАЧКА
ПАЧКА БЛИИИИИ*

Между обрывками фраз – сообщение от Ричарда: спрашивает, как первый день. Извиняется, что не позвонил: поздно вернулся со встречи с клиентами в «Русском самоваре». Ричард работает в рекламе и рисует по выходным. Ему тридцать два, и у него седеют виски.

Я добавляю в кофе ложку порошка из гриба чаги и несую его в спальню. Там я крашусь, сидя на полу перед зеркалом, где его оставила Дом: масляная основа для сияния невинности. Консилер для синеватых провалов под глазами. Телесная пудра, чтобы убрать блеск с Т-зоны. Мне не нужны румяна – у меня естественный румянец, – но я открываю новый тюбик кремового хайлайтера «Геба» из выданной на работе сумки, наношу его на скулы и надбровные дуги. Бальзам для губ наношу прихлопывающими движениями посередине – чтобы придать обманчивую пухлость моим тонким губам.

Я однажды наткнулась на непостановочное фото себя в интернете, на котором была отмечена: голые губы, открытый рот – тревожная бесцветная дыра под носом, портал, сквозь который пролетают духи.

Все эти усилия в итоге дают не так уж много. Я и без того святая. Мое отражение – росистый пельмешек. На меня из зеркала смотрит сияющий ангелочек. Достойный любви и спасения.

Так выглядит услышанная молитва.

* * *

Мэриголд ставит перед Три латте с куркумой, выходит из конференц-зала и встает на страже спиной к стеклянной двери. У Джеммы под столом в акриловой коробке те самые продукты для предстоящего запуска, предмет съемки в среду. Она сжимает крышку так, что я могу разглядеть лишь несколько розовых, терракотовых, белых и фиолетовых клякс. Мои собственные руки – сплетенные на коленях, упрятанные в белые кружевные перчатки, которые я ношу каждый день, – в точности копируют ее напряженную хватку.

Джемма ставит коробку на стол под дребезжание тяжелых шариков, катающихся внутри. Она снимает крышку, и я наклоняюсь ближе, изучая содержимое. Флаконы в форме таблеток, каждый с колпачком разного цвета. Внутри меня все дрожит – ощущение, будто толкается младенец.

Я крепче сплетаю руки на животе. Воркую в точности так, как если бы склонилась над новорожденным, и хвалю упаковку, подцепив из коробки одну пухлую таблетку. Цветная половинка снимается, открывая крошечное выпускное отверстие.

– Что это?

– Love Flush, – говорит Джемма.

– Многофункциональные тинты, – говорит Три. – Для глаз, губ и щек.

Клиентка неприветлива. Она наводит красоту на заднем сиденье такси, за рабочим столом перед «счастливым часом», без зеркала. Всегда без зеркала, если только она не дома и никуда не торопится. Наносит макияж за бокалом вина перед свиданием. Только тогда она удостаивает взглядом свое идеальное лицо. Она по чистой случайности вечно молода: удачная генетика и солнцезащитный крем. И правильная косметика. *Наша* косметика.

Из носика брызгает терракотовая жидкость. Сбоку напечатаны название оттенка и жидкие унции там, где на настоящей таблетке были бы миллиграммы. Теплая бронза стекает вниз, впитывается в мою перчатку, как жидкая плоть. Хрен отстираешь, но пока меня это не волнует.

– Коллаген. Вот в чем секрет, – говорит Три.

– Восемь универсально комплиментарных оттенков, – добавляет Джем.

Скрипит дверь. Мэриголд вкатывает мольберт с коллажным холстом, заполненным вдохновляющими изображениями. Импрессионистские картины, которые я помню с давних занятий по истории искусства: Моне, Дега, Мэри Кассат. Расплывчатые балерины, цветущие поля, женщины в блузках с высоким воротом и в чепцах, завязанных под пухлыми подбородками. Румяные девушки, увлажненные до краев.

– Они очень пигментированные, – предупреждает Джемма. – Осторожнее.

– Джемма возьмет на себя заважнюю съемку, но не бойся вносить свои идеи. В «Гебе» отсидеться в стороне не получится, – говорит Три.

Джемма показывает мне портретные снимки моделей для съемки. У одной девушки шрам от акне в форме родинки Мэрилин Монро. Нос другой осыпают брызги светло-коричневых веснушек. Шеи у всех вывернуты под неестественным углом. Бодрствующие свежие трупы.

Девушки больше нежели просто красивые. Их совершенство как будто достижимо, но это их только возвышает. Слово с правильным увлажняющим кремом я могла бы выглядеть как они. Я и правда немного похожа на них. Мы все похожи.

И все они похожи на Три.

* * *

Когда я прихожу в ресторан, Ричард сидит за столиком на двоих лицом к двери. На столе у хлебной корзинки – бутылка моей любимой минералки. При виде меня он машет рукой. Я целую его в щеку и вешаю сумку на спинку стула.

– Давно ждешь? – спрашиваю.

В тот вечер, когда мы с Ричардом познакомились, мне не хотелось никуда идти, но у Дом были билеты на концерт Chairlift в Вильямсбурге, и она буйствовала под экстази в розовом комбинезоне с оборками поверх бирюзового бюстгальтера: глаза горели, а руки и ноги были будто жидкие. Я не хотела оставлять ее одну, но она ринулась в толпу в ту же секунду, как мы вошли, и я быстро потеряла ее из виду. Ричард нашел меня у бара, где я потягивала газировку с лаймом. На нем была сетчатая рубашка с длинным рукавом под кардиганом. «Проиграл спор, – сказал он, когда я спросила, что он здесь делает, и очаровал меня, дурашливо подмигнув. – Твои друзья тебя бросили? Мои тоже. Давай сбежим отсюда?»

Прежде чем мы отправились домой вместе, мы заказали по гигантскому куску пиццы в окошке пиццерии по соседству и съели их, стоя на углу. Подозреваю, именно такой он и видит Софию Бэннион – она с наслаждением двигает челюстями, пока жир стекает с подбородка. Вскоре после нашей встречи я стала веганкой.

– Я мечтал об этом, – говорит Ричард, когда приносят еду.

Заставляю себя по двадцать пять раз пережевывать каждую ложку цельнозерновой пасты с лимоном и маслом. Ричард расспрашивает меня про первую неделю, поддержи-ваяще дергая подбородком примерно через каждое третье предложение – будто засекает время для ответа.

Если бы я в детстве нарисовала мужчину мечты, Ричард был бы им прямо под копирку. Песочно-каштановые волосы: красавчик, да и только. Тело с выраженными мышцами, но достаточно мягкое, чтобы на нем лежать. Ласковый взгляд, талант художника, богатые родители. Под пошитым на заказ пиджаком – футболка за двести долларов с принтом: медведь на скейтборде. Он жует лазанью так, будто каждый кусок последний в его жизни, и полностью опускает приборы на тарелку. И не сводит с меня глаз.

От такого пристального внимания порой бывает трудно дышать.

Официант убирает наши тарелки. Я отказываюсь от контейнера для остатков, отвергаю попытки Ричарда уговорить меня разделить с ним тирамису и заказываю капучино на овсяном молоке. По глазам и губам Ричарда видно, что он напрягся, но он не говорит ни слова.

Вместо этого он рассказывает мне о том, как продвигается работа над триптихом с Гарри Стайлсом, который он заканчивает для заявки на грант для начинающих художников. Тема этого года – «Новая маскулинность».

Официант все равно приносит две ложечки для тирамису.

* * *

В такси по дороге домой я стараюсь сохранять нейтральное, расслабленное лицо, как подобает девушке на свидании. Ричард не понимает, что я ступила на путь ЗОЖ. Знай я его хуже, могла бы заподозрить в том, что он нарочно заказал тирамису, чтобы меня позлить. Но он на такое не способен. Наверное, просто хотел десерт и подумал, что, может быть, на этот раз я тоже соблазнюсь.

К тому же я не выношу лицо Ричарда, когда мы ссоримся. Плоть обвисает, как тесто, щеки сползают вниз, к челюсти. Еще эти глаза, будто бы с тающей шоколадной крошкой. Его сладость только больше выводит меня из себя – в груди начинает гореть и хочется ударить его, впиться ногтями в мягкие подушечки его губ, пока они не посинеют и не распухнут. Нестерпимое желание причинить боль сдавливает позвоночник в железных тисках.

Ричард легонько пожимает мое колено:

– Все в порядке, детка?

Руки сжаты в кулаки, ногти впиваются в ладони – я говорю:

– Нормально. Просто устала.

На тротуаре перед домом сгорбилась темная фигура. Это Дом, пытается прикурить сигарету от потертой зажигалки Vis. Палец тщетно елозит по колесу. Ее опущенные веки поднимаются, когда я вылезаю из такси, и она кричит:

– Детка!

Позади меня Ричард захлопывает свою дверцу. Я чувствую, как он напрягается, заметив Дом. Он не одобряет ее, хотя слишком добр, чтобы это признать.

– Что случилось, детка? Опять забыла ключи?

Здрав юбку, я приседаю и жестом прошу зажигалку. Сигарета свисает с ее губ, Дом наклоняется к пламени, ждет, пока загорится кончик. Откидывается назад и затягивается. Она вынимает сигарету изо рта и пытается засунуть влажный кончик в рот уже мне, но я отстраняюсь как раз вовремя.

– Думала, ты пытаешься бросить, – говорю я.

Она закатывает глаза. «Ну мам».

– Привет, Доминика. – Ричард стоит близко к бордюру, руки в карманах.

– Ричи! Помоги мне. – Дом по-паучьи растопыривает руки. У нее липкие ладони. На ней кружевной бюстгальтер в качестве топа. Ребра дрожат, когда она дышит.

В лифте Дом опирается на мое плечо. В квартире она убегает на кухню. Когда я добираюсь до нее, она уже отчаянно пытается воткнуть штопор в бутылку вина. Сдается, оставляет бутылку, садится на стул и начинает скручивать косяк. Ее пальцы двигаются с невероятной точностью.

Ричард высовывает голову из коридора.

– Я ложусь спать. София? – Приглашение оставить Дом наедине с бутылкой и вместе продолжить ночь. Она вырубится на диване максимум минут через пять. Но есть надоедливый голос, который говорит, что может случиться катастрофа. И еще... та часть меня, которая просто хочет побыть девочкой так, как это можно только с другими девочками.

– Я еще немного посижу.

Разочарование эхом отдается в звуке его шагов. Я слышу, как он захлопывает дверь спальни. Хватаю брошенный штопор и открываю вино. Как профи – даже после всех этих лет. Дом облизывает шов косяка и достает зажигалку из сумки кольчужного плетения. Я готова помочь, но она высекает пламя с первой попытки. Затыгивается, будто сейчас умрет.

Я делаю глоток тепловатой лимонной воды из бутылки S'well на столе. Бутылки с водой разбросаны по всей квартире. Иногда я открываю одну и успеваю отпить, прежде чем замечаю, что она набита гниющими фруктами, воняющими сладостью разложения.

Опускается затыжная тишина под аккомпанемент вина, стекающего по горлу Дом, и сухого скрежета дыхания, когда она курит. Я снимаю перчатки и кладу их на мрамор столешницы – сброшенная кожа змеи. Мои руки хрустят, когда я их растягиваю.

Дом осторожно кладет косяк на край тяжелой серебряной пепельницы, фокусирует взгляд. Она встает; шагает, скрипя половицами; слышу, как открывается дверь – бельевого шкафа, – и возвращается со стеклянным флаконом масла для кутикулы. Расстилает бумажное полотенце и тянется к моим рукам. И начинает ровными круговыми движениями втирать масло, прорабатывая палец за пальцем. Оно пахнет миндалем и ванилью. Запах усиливается от трения. Дом напевает старый итальянский гимн, которому ее научила бабушка.

Это наш ритуал. В конце долгого вечера я снимаю перчатки, позволяю Дом увидеть шрамы, пока она массирует мне руки, возвращая их к некоему подобию нормальности. Даже Ричарду не позволено касаться их с такой интимностью.

Я могла бы заплакать – не от боли, которая только вгоняет меня в сонливость, но от изысканного удовольствия: меня знают по-настоящему.

Миндаль и ваниль. Я опускаю подбородок на грудь и начинаю клевать носом. Когда я открываю глаза, за столом больше никого нет и в комнате холодно.

3

Стажерки свежи, как роса. Стажерки – блондинки, брюнетки, рыжие. У них волны, стрижка боб, кудри. Глянцевые губы и веки. Платья с вырезами по бокам и узорами из цветов, фруктов, планет. Они поворачивают лица к солнцу. Отступают назад, в тень, боясь обгореть. Стажерки носят шляпы.

В съемных однушках у стажерок – французские салонные картины и бархатные козетки. Стажерки живут рядом с Бруклинским мостом, в Ист– и Вест-Виллидже, на Верхнем Ист-Сайде. Стажерки носят подходящие по цвету трусики и бюстгалтеры и винтажные серьги – дверные молоточки, крошечные кардиганы на голое тело, расстегнутые до булочной выпуклости маленьких грудей. Им соски не натирает?

Стажерки носят наши лавандовые атласные мешочки на завязках, куда помещаются телефон, ключи и матовый тинт для губ. Спички из Balthazar или Jimmy at the James. Чеки из Dimes. Кошельков они не носят. Даже удостоверений личности при себе нет. Если их убьют и найдут тела, они все будут Джейн Доу.

Им все равно, они танцуют в платьях с открытой спиной. Им все равно, у них нейл-арт. Им все равно, у них новая татуировка на ребрах, показать?

Стажерки не читали ни того, ни другого, но выкладывали фото с книгами. Ясное дело – они бы прочитали все, будь у них время. Времени вечно не хватает. Стажерки любят художника, хотят быть музой. Они говорят: нарисуй меня. Они говорят: напиши меня красками. Они говорят: спой мне.

У стажерок симметричные лица.

Стажерки носят наш бальзам для губ, символ статуса: тюбики цвета леденцов торчат из карманов и закатанных рукавов рубашек, как пачки сигарет. Стажерки подмигивают и говорят: «Есть прикурить?» Сигареты больше не круто, круто – увлажняющий крем. Здоровье – новое курение. Стажерки знают это и держат свои пороки под замком. Они пьют зеленый сок и едят на обед салат из кейла. Они тянутся к эфемерному этичному потреблению: многоразовые сумки для продуктов и сарафаны из переработанного бамбукового волокна, которые разваливаются прямо в стиральной машинке.

И нашей косметике. Она золотит им скулы, целует губы, говорит, что они идеальны, и святы, и достойны. Они красивы, они светятся, и мы делаем их еще прекраснее.

Стажерки: они хотят, и хотят, и хотят. Мы даем им, что можем.

* * *

Множатся слухи: Три – натуральная брюнетка. Нет, натуральная блондинка. Ее отец – политик. Ее мать – потомок Мэри Шелли. Три бросила Уэслианский университет или окончила с отличием Фи-Бета-Каппу. Три спит по пятнадцать часов. Три не спит вообще. Никто не может точно сказать, сколько ей лет: она вышла из утробы матери полностью сформированной, нестареющей.

В недрах интернета или в подвале друзей друзей кто-то наткнулся на фото из университетского ежегодника. Три на нем шестнадцать или семнадцать: воротник черной водолазки обхватывает ее шею, на изящной платиновой цепочке – круглый бриллиант подвески. Белые, как фотовспышка, волосы угрожающе разделены по центру пробором: волосяные фолликулы маршируют ровным строем, обнажая узкую полоску черепа. Бриллиантовые сережки-гвоздики мерцают на мочках ушей. Широко расставленные глаза спрятаны под навесом бровей. Сдержанная, натянутая улыбка. Почему она не показывает зубы? Я знаю, что они идеальны. Белые и

квадратные, те самые из рекламы зубной пасты. Зубы, о которых мечтают стоматологи. Может, она заплатила за них позже.

Хотя не думаю: она такой родилась. С идеальной улыбкой, демонстрирующей оба ряда зубов и ненавязчивую полоску десен.

* * *

Сумерки. Девушки с работы собираются на крыше, посасывая противовоспалительный корень куркумы из вейп-ручек. Три откидывается в шезлонге: кожаные шлепанцы скинуты, а ноги спрятаны под плиссированной юбкой-миди. Вечеринка вращается вокруг нее. Она со свежим загаром после недели в отеле «Амангири» в Глен-Каньоне. Понарошку загорелая, не сгоревшая.

У ее локтя появляется Джемма, усаживается, точно экзотическая птица, на подставку для ног и скормливает Три с блюдечка ломтик гауды с кешью цвета слоновой кости.

Это ощущается как нечто не для моих глаз, и я смотрю вниз на улицу, опираясь на перегородку, ограждающую помост.

Мягкая ткань касается моей руки, и я поворачиваюсь в куркумовое облако, окутывающее крышу. Темно-синяя повязка на волосах. Одна серебряная серьга-кольцо. Карие глаза.

– Ты новенькая, – говорит миниатюрная брюнетка с лицом круглым и бесхитростным, как удобные туфли.

– София.

– Эмили.

– Классное платье, – говорю я и не лыщу. Черное с тонкими, украшенными стразами бретелями, на ткани – рисунок: ракеты и метеоры. Я бы такое носила.

– Спасибо. Винтаж. – Это не так: я видела его на манекене в магазине в нескольких кварталах от офиса. Подумывала, не примерить ли. Но я не могу себе его позволить, так что не стала утруждаться.

Ее ложь звучит как откровенный вызов. Немного медлю, чтобы позволить осесть тяжести ее выдумки и своему сочувствию к ее потребности казаться круче, чем она есть. Вкус, если он настоящий, – это не носить дизайнерское, а уметь подобрать, что носить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.